

И. В. Дубровский

Латинские рукописи сочинений Альберта Шлихтинга

Имя Альберта Шлихтинга хорошо известно специалистам. Ему приписывается важнейшее сочинение по истории правления Ивана Грозного периода опричнины «*De moribus et imperandi crudelitate Basilii Moschoviae tyranni brevis enarratio*» («Краткое сказание о нраве и жестоком правлении тирана Московии Василия»). Альберт Шлихтинг попал в Россию в 1564 году в качестве военнопленного, но затем оказался переводчиком придворного врача, пока осенью 1570 года ему не удалось бежать в Литву¹. Не приходится сомневаться в том, что беглец был исключительно информированным человеком, видевшим или слышавшим многое фактически изнутри московского двора. Сочинение, о котором идет речь, безусловно, опирается на переданные им сведения. Об авторстве Альберта Шлихтинга, наверное, нельзя говорить с той же уверенностью. Написано ли оно им от начала и до конца самостоятельно, или над текстом поработали польские редакторы, или роль Шлихтинга свелась к тому, что он надиктовал кому-то материал, которым потом этот кто-то достаточно свободно манипулировал, – то и другое и третье возможно.

Где и как данный текст существует и оставляет след? Прежде всего уточним, какими рукописями мы располагаем? На существование большого сочинения Шлихтинга первым в современной науке указал Павел Пирлинг. Он ссылаясь на рукопись, хранящуюся в Секретном архиве Ватикана, но оговаривался, что другие списки сочинения имеются «едва ли не во всех римских библиотеках»: «*On le trouve aux Archives du Vatican... et dans presque toutes les bibliothèques de Rome*». П. Пирлинг в своих работах повторил эту фразу два или три раза, но никаких пояснений так и не сделал². Какие библиотеки и рукописи он имел в виду, мы не знаем. Как ни странно, сама эта оговорка впоследствии была забыта. Общим мнением историков на протяжении ста лет было то,

---

1

□ Подробности биографии Шлихтинга см.: Grala H. *Zu Werk und Person Albert Schlichtings // Bayern und Osteuropa. Aus der Geschichte der Beziehungen Bayerns, Frankens und Schwabens mit Russland, der Ukraine und Weissrussland* / hg. H. Beyer-Thoma. Wiesbaden, 2000, S. 145 и сл.

2

□ Pierling P. *Pie V et Ivan le Terrible: tentative pour établir des relations diplomatiques entre Rome et Moscou* // *Revue des questions historiques*. Т. 31 (1882), p. 581; *Idem. Rome et Moscou (1547–1579)*. Paris, 1883, p. 148.

что латинский текст «Краткого сказания» сохранился в единственной рукописи, открытой П. Пирлингом, впервые подробно описанной Е. Ф. Шмурло и изданной А. И. Малеиным³. Мне удалось найти целый ряд других списков интересующего нас сочинения. Вместе с рукописью из Ватиканского архива их девять. Шесть из них содержат известный текст «De moribus et imperandi crudelitate Basili Moschoviae tyranni brevis enarratio». Еще три – неизвестную новую редакцию сочинения, озаглавленную «Narratio de moribus et imperandi crudelitate Basili Moscoviae magni ducis in anno 1569 usque ad 1570 partim». Эта повторная редакция выполнена в Италии с единственной целью приспособить текст к существующим каналам передачи политических новостей. Новых сведений о России, по сравнению с исходным текстом «Краткого сказания», она не содержит.

История рукописной традиции нуждается в дальнейшем исследовании. Это касается как найденных рукописей, так и отыскания новых, которые, безусловно, должны быть. Той информацией, которую удалось собрать мне, я поделился в своей предшествующей статье⁴ и повторю только некоторые моменты. Аргументацию и подробности читатель без труда найдет в указанном месте. Первое, что приходится отметить: перед нами разрозненные фрагменты рукописной традиции, не связанные между собой напрямую (за исключением двух списков из Валансьена, явно сделанных с одной рукописи). Потому для анализа разночтений все списки важны. Любой из них может содержать написание, утраченное в других рукописях. Ни один нельзя оставить без внимания. Тем не менее три манускрипта, видимо, имеют особую ценность. Они ближе всего к истоку традиции. Все три находятся в Риме. Скорее всего это те самые копии сочинения Шлихтинга, которые имел в виду П. Пирлинг. Других в римских библиотеках мне пока найти не удалось.

Одной из важнейших, безусловно, является рукопись «Краткого сказания» из Ватиканского архива, которая была введена в научный оборот П. О. Пирлингом, Е. Ф. Шмурло и А. И. Малеиным. Она находится в бумагах Винченцо даль Портико, среди

3

□ Шмурло Е. Ф. Россия и Италия. Т. 2, вып. 2. СПб., 1913, с. 227–251; Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга / Пер., ред. и примеч. А. И. Малеина. Л., 1934. 4-е изд., вышедшее в 1935 году, кроме перевода, включает также публикацию латинского текста.

4

□ Дубровский И. В. Новые документы о России Ивана Грозного // Русский Сборник. Т. XI. М., 2012, с. 25–41.

фрагментов его личного архива, разбросанного по разным фондам, однако частично реконструируемого. В интересующее нас время Портико был папским нунцием в Польше. Из письма нунция Портико своему руководителю кардиналу Рустикуччи мы знаем, что 19 сентября 1571 года он послал в Рим некую книгу «о свирепом нраве, дикости и бесчеловечности» правящего в Московии «тирана»⁵. Эта книга, по-видимому, не может ничем иным, как сочинением Шлихтинга. Историки издавна связывали это свидетельство с сообщением биографа папы Римского Пия V Джироламо Катены. У Катены рассказано о том, что накануне войны с Турцией, увенчавшейся великой победой в битве при Лепанто осенью 1571 года, папа рассчитывал привлечь к коалиции христианских держав правителя Московии и поручил начать переговоры с ним своему нунцию в Польше Портико. В руки Портико тем временем попадает «информация» Альберта Шлихтинга о кровавых злодеяниях Ивана Грозного, которую тот пересылает в Рим («mandate tutte l'informationi a Pio havute da Alberto Szlychtin Pomerano, il quale havea veduto co gli occhi propri, et notate le crudelità del Gran Duca»). Ужаснувшись прочитанному, Пий велит Портико ни в какие переговоры не вступать. В подкрепление своих слов Джироламо Катена цитирует письмо, якобы написанное папой своему нунцию: «Ознакомившись с тем, что вы сообщаете о Московите, мы предписываем вам оставить приготовления к поездке в Московию, даже если польский король ее одобрит и будет ей содействовать, ибо мы не желаем иметь дела с таким ужасным и столь варварским народом»⁶. Я в свое время высказывал сомнения в подлинности описанной ситуации и письма, но был вынужден признать, что я ошибался, после того, как мне удалось найти данное письмо в Турине. Оно, естественно, написано не папой (папы нунциям писем не писали), а тем, кто и должен был быть его автором, а именно кардиналом Рустикуччи, руководившим внешней политикой папского государства от имени Св. Престола. Описание Джироламо Катены, таким образом, находит подтверждение, но только отчасти. Второе письмо Рустикуччи нунцию Портико, найденное в Турине, опровергает важную подробность его версии событий, принятую в историографии как факт. Мы узнаем, что посылка Портико оказалась запоздалой.

5

□ Письмо опубликовано дважды: Акты исторические, относящиеся к России / Сост. А. И. Тургенев. Т. 1. СПб., 1841, с. 222; Theiner A. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, Т. 2. Roma, 1861, p. 774.

6

□ Catena G. Vita del gloriosissimo papa Pio quinto. Roma, 1586, p. 185–186.

Очевидно, кто-то успел прислать в Рим некое разоблачительное сочинение об Иване Грозном до него⁷. Не трудно предположить, кто бы это мог быть. Судя по всему, за первым появлением в римской курии книги Альберта Шлихтинга стоит польская корона, не скрывавшая своей заинтересованности в срыве переговоров папы с «Московитом». Поляки действуют как через папского нунция Портико, так и напрямую, используя свои связи и доброжелателей в Риме.

Список «Краткого сказания», принадлежавший Портико, вероятно, является копией, сделанной для себя, то есть повторяет рукопись Шлихтинга, которую он переправил в Рим. Понятна ценность данного списка для нас. Вместе с тем анализ разночтений убеждает в том, что две других римских рукописи сочинения не связаны с посылкой Портико, а обе имеют свою особую историю. Они попали в Рим отдельно, каждая своим путем. В частности, это касается списка из римской Библиотеки Angelica. Среди шести рукописей полной версии «Краткого сказания» он имеет наибольшие текстуальные отличия. Значительная часть этих текстуальных особенностей выглядит не следами оригинального текста, утраченного в других списках, а вторичной литературной и стилистической правкой, выполненной не самым грамотным латинистом и местами приведшей к порче текста. Но есть кое-что удивительное. Вместо латинских транскрипций личных имен и топонимов, уместных в латинском тексте, список из Библиотеки Angelica систематически дает их польские написания. Такое написание имен – твердое доказательство того факта, что данная рукопись или ее протограф были присланы из Польши через голову Портико. Можно прибавить еще одну любопытную подробность. Джироламо Катена также приводит имя Альберта Шлихтинга в польской транскрипции, и она близко совпадает с написанием, имеющимся в этой рукописи (Alberto Szlychtin Pomerano у Катены и Albertus Szlychtink Pomeranus в списке из Библиотеки Angelica; два других римских списка дают написание: Schlichting). Видимо, Катена держал в руках и подразумевал в своем сообщении именно этот «польский» список или родственную ему копию, а вовсе не тот текст, который был прислан в курию Винченцо даль Портико.

Третья рукопись, найденная в Риме, – список, хранящийся в Ватиканской библиотеке. Его самостоятельное происхождение доказывается тем, что он не содержит некоторых ошибок, имеющихся в других копиях сочинения. Стоит оговориться, что далеко

7

□ О двух письмах кардинала Рустикуччи нунцию Портико из Туринского Государственного архива см. подробнее: Дубровский И. В. Новые документы по истории отношений России и Италии при Иване Грозном // Русский Сборник. Т. XIV. М., 2013, с. 7–12.

не все ошибки переписчиков можно счесть такими бесспорными аргументами для реконструкции истории филиации списков. Большинство описок всегда может быть исправлено внимательным копиистом, и только в особых случаях это не так. Таким особым, доказательным случаем являются ошибки в незнакомых топонимах. Так, в написании слова «Ладога» в двух других римских списках мы видим характерную ошибку переписчика, а именно удвоение слога: «Vladodie». Подобная ошибка, допущенная одним из переписчиков, механически копируется всеми следующими. Рукопись из «Ватиканы», напротив, дает корректное написание: «Vladogiae». Таким образом, можно не сомневаться в том, что и этот третий римский список «Краткого сказания» напрямую восходит к своему протографу в Польше.

Рукопись относится к числу лучших списков интересующего нас сочинения, то есть в наименьшей мере испорченных в рукописной традиции. Тем не менее, возможно, история этой копии отличается от истории двух других римских рукописей. Здесь я вооружен скорее подозрениями, чем фактами, но кое-что вынуждает задуматься. В частности, я говорю о копировании текстов. Два других римских списка – список Портико из Ватиканского архива и «польский» список из Библиотеки Angelica – насколько я знаю, не находят ни прямого, ни косвенного продолжения в рукописной традиции. Родственных им копий в истории латинских рукописей Шлихтинга не существует. Они попадают в римские архивы и бесследно там теряются.

Единственным исключением теоретически может быть немецкий перевод «Краткого сказания». Существующий немецкий текст сочинения, впервые найденный в Мюнхене Г. В. Форстеном, затем потерянный и вновь открытый Х. Гралей, является вторичным по отношению к латинскому. Мюнхенская рукопись точно повторяет заглавие латинского оригинала: «Eine kurze Erzählung von des Mostkowitischen Tyrannen Basilij Sitten und grausamen tyrannischem Regiment»⁸. Со слов Херонима Грали я знаю, что ему удалось найти следы еще одного неизвестного списка Шлихтинга в Швеции и что он, по-видимому, также является немецким. По мнению Х. Грали, сочинение Альберта Шлихтинга могло попасть в Мюнхен из Вены⁹. Я бы сказал так: это одна из

8

□ BayHStA, KB ÄA, Bd. 4424, f. 1–37v.

9

□ Grala H. Op. cit., S. 142–145.

правдоподобных версий. Суть ее аргументации сводится к тому, что другое небольшое сочинение Альберта Шлихтинга, о котором пойдет речь ниже, нашлось в Вене, – его переслал из Польши ко двору императора его резидент при польском дворе аббат Цир, – и что герцог Баварский, живо интересовавшийся событиями на востоке Европы, регулярно получал информацию из Вены, в том числе копии ряда писем аббата Цира. На это можно возразить, что баварский герцог Альбрехт V, которому, очевидно, принадлежала мюнхенская рукопись, поддерживал также самые тесные связи с Римом и в 1575 году даже приезжал в Рим. Я безуспешно пытался найти концы в корреспонденции герцога и папской канцелярии, однако, возможно, не приложил достаточных усилий. Вопрос нуждается в дальнейшем исследовании. Свое вполне убедительное доказательство вторичности немецкого перевода Х. Граля остроумно строит на сравнительном анализе форм написания личных имен и топонимов в немецком и латинском текстах. Пойдя по его стопам, я могу добавить, что наиболее близкой мюнхенскому списку является рукопись из Ватиканского архива. Список Портико или родственная ему копия может быть протографом немецкого перевода, тогда как другие копии находятся с ним в более отдаленном родстве.

За исключением этого факта или, вернее, нашего предположения, рукопись, найденная в бумагах Портико, и «польская» рукопись из Библиотеки Angelica остаются знанием, сокрытым в недрах римской курии, которым никто не спешит делиться. Интересующихся людей и библиофилов к этим документам не подпускают. Здесь нужно сказать хотя бы несколько слов о культурных тенденциях рассматриваемого времени, когда политические новости внезапно становятся всеобщим увлечением. Не случайно это время возникновения газет как общедоступного средства трансляции политической информации. Если два римских списка кажутся погребенными в ватиканских «спецхранах», то третья рукопись, которая хранится сегодня в Ватиканской библиотеке, наоборот, возникает для нас в довольно широком контексте параллельного существования других родственных списков. Это иная среда как социальная, так и географическая. Ужасные истории, рассказанные Альбертом Шлихтингом, во всю копируются на севере Италии. К списку из «Ватиканы» ближе всего текстологически – хотя связь эта не прямая, а опосредованная – рукопись, которая находится в настоящее время в Библиотеке Падуанской семинарии. Как удастся выяснить, в первой половине XVII века падуанским кодексом владели монахи Виченцы. Его первый владелец, которого мы знаем, – местный антиквар Фортунато Скола, вступивший в монастырь San Felice di Vicenza в 1594 году и умерший в 1645 году. Сама рукопись содержит доказательство, что с нее снимали списки: внизу страниц мы встречаем итальянскую пометку «*trascritto*» («переписано»). Так же легко и убедительно

устанавливается североитальянское, возможно, венецианское происхождение рукописи, оказавшейся в семье де Круи в Южных Нидерландах. Она стала протографом двух списков, которые хранятся сегодня в Муниципальной библиотеке французского Валансьена. Валансьенские копии тоже не напрямую, но вполне определенно, через некие общие протографы связаны с обеими сказанными рукописями из «Ватиканы» и Падуанской семинарии. Эти четыре списка образуют семью. Наконец, север Италии – место возникновения и распространение упомянутой выше новой, «итальянской» редакции сочинения Шлихтинга, представленной рукописями из Мантуи, Милана, а также библиотеки Йельского университета. Кому предназначались два последних списка, не ясно. Мантуанская копия сделана по заказу одного из членов семьи Гонзага либо кого-то из их секретарей. Хотя текст находится в архиве герцогов Гонзага, в данном случае, возможно, мы не обязаны подразумевать правящего герцога Гульельмо и его канцелярию. Адресатом списка, например, могла быть его супруга Элеонора Австрийская. Ее также интересовали политические новости, а в числе ее информаторов фигурирует небезызвестный уроженец Мантуи Антонио Поссевино. Анализ разночтений в рукописях, циркулировавших в Северной Италии, позволяет уверенно предполагать наличие еще, как минимум, нескольких неизвестных нам, но явно существовавших копий.

В своей предшествующей статье я высказал мысль, которая сегодня мне представляется поспешной. Речь идет о путях распространения копий большого сочинения Шлихтинга. Анализ разночтений в списках из «Ватиканы», Библиотеки Падуанской епископской семинарии и двух списках, хранящихся в Муниципальной библиотеке Валансьена, казалось бы, приводит к выводу о движении текста из Рима в Северную Италию и оттуда в Южные Нидерланды. Возможно, так оно и было, но чтобы говорить об этом с уверенностью, надо быть уверенным в том, что список «Краткого сказания», который находится в Ватиканской библиотеке, или его протограф действительно римского, а не североитальянского, например, венецианского происхождения. В самом деле, текст мог появиться сначала в Венеции и уже оттуда попасть в Рим. Следовательно, мы обязаны прояснить историю манускрипта. К сожалению, пока мне похвастаться нечем. Информация есть, но ее недостаточно.

Рукопись, попавшая в Ватиканскую библиотеку довольно поздно, относится к знаменитому рукописному собранию, так называемым «Ста кодексам», или «Ста томам». Оно восходит к рукописной коллекции королевы Кристины Шведской. Королева Кристина оставила родину и в 1654 году поселилась в Риме, где прожила до своей смерти в 1689 году. После ее кончины ее прославленная библиотека была куплена папой Александром VIII и в 1690 году почти целиком передана в Ватиканскую библиотеку, где она составила

отдельный фонд Reginense. Исключением были печатные книги, а также небольшая и наиболее ценная часть рукописей, те самые «Сто кодексов». Эту часть библиотеки королевы Кристины папа подарил своему внучатому племяннику кардиналу Пьетро Оттобони. В 1748 году библиотека семьи Оттобонов вошла в Ватиканскую библиотеку под названием фонда Ottoboniani, где и находится интересующая нас рукопись. Датировка манускрипта затруднена неудачной реставрацией XVIII века. Чтобы предохранить текст от разрушения, в те времена его заклеивали папиросной бумагой. Такая форма реставрации со временем имеет губительные последствия: текст расплывается, а листы становятся хрупкими и лопаются, как тонкое стекло. К сожалению, таким образом было испорчено огромное число римских рукописей. Естественно, сегодня такие рукописи читателям не выдают. Мне остается поблагодарить директора Департамента рукописей Ватиканской библиотеки доктора Паоло Вьяна за сделанное для меня исключение. Благодаря его любезности и доверию, мне удалось сделать коллацию нужного мне сочинения. Со слов П. Вьяна я знаю о планах реставрации манускрипта. Видимо, она позволит размягчить страницы кодекса и вернуть его исследователям. Тем не менее любая реставрация всегда означает частичное разрушение памятника, и сколько текста будет потеряно, конечно, никто заранее сказать не может. По мнению П. Вьяна, в данном случае угроза утрат велика. Из-за расплывшихся чернил местами рукопись буквально едва прочитывается уже сейчас. Другим досадным последствием реставрации XVIII века стало то, что листы кодекса, пропитанные клеем, потеряли прозрачность, и водяные знаки перестали быть различимы. Датировать текст с помощью филиграней, в данном случае, невозможно, и нам остается ориентироваться на содержание рукописи. Она сшита из отдельных тетрадей и фрагментов, собранных вместе. Наиболее поздние документы в этой подборке относятся к первой трети XVII века. Почерк «Краткого сказания» напоминает руку, которой переписаны некоторые документы 10-х – 20-х годов XVII века. Судя по содержанию, кодекс не принадлежал к той части рукописной коллекции королевы Кристины, которую она вывезла из Швеции. Он включает документы курии, которые не могли попасть в Швецию. Следовательно, рукопись была изготовлена в Риме. Вопрос о происхождении протографа включенного в нее списка остается открытым.

Северная Италия оказывается для сочинения Шлихтинга землей обетованной. За Альпами с ним снова творится что-то неладное. Судьба рукописи, попавшей в Нидерланды, заставляет вспомнить сказанное выше по поводу «ватиканских спецхранов». Кажется, история повторяется. Две копии рукописи, хранящиеся сегодня в Библиотеке Валансьена, до Французской революции принадлежали семье де Круи. Они определенно сделаны с одного списка. Копиисты разные, видимо, работавшие в разное время. Один из

них с такой регулярностью путает буквы «b» и «v», что можно не сомневаться в его испанском происхождении. Вместе с протографом одной семье герцогов де Круи, таким образом, принадлежало не меньше трех списков. Других следов сочинения Шлихтинга в Нидерландах нет. Моя гипотеза состоит в том, что новые списки делаются по мере разрастания семьи для ее отделившихся ветвей. Новая ветвь получает копию семейного архива как доказательство причастности предков к большой политике. Наличие в Библиотеке Валансьена сразу двух рукописей интересующего нас сочинения, видимо, объясняется обратным процессом собирания архивов угасших линий. Символическая роль рукописей, очевидно, оказывается главной, тогда как чтение и информация о Московии не стоят на первом месте.

Рассказ о рукописной традиции, уверен, будет неполным без истории чтения и откликов на сочинение. Интересно заметить, что такой информации почти нет. Джироламо Катена остается для нас единственным автором, кто, вспоминая историю несостоявшегося посольства в Московию, уточняет ту роль, которую сыграло в его отмене сочинение Альберта Шлихтинга. Заслуживают внимания время и контекст переданной им информации. Его сообщение удается довольно точно датировать. Эпизод оканчивается сообщением о приезде в Рим русских «послов», поведение которых, по мнению автора, подтверждает негативную информацию Шлихтинга об этом народе. По тексту ясно, что речь идет о гонце Ивана Грозного Истоме Шевригине, который находился в Риме с конца февраля по март 1581 года. Автор еще не знает ни о следующем царском гонце Якове Молвянинове, который прибыл в Рим в сентябре 1582 года, ни о Ям-Запольском перемирии, заключенном при участии папского посланца Антонио Поссевино в январе 1582 года. В 1571 году из сочинения Шлихтинга в Риме узнали, что правитель Московии – кровавый «тиран», и сочли за благо не иметь с них никаких дел. Десять лет спустя курия буквально ухватывается за появление в Риме «послов Московита» как счастливый случай наладить связи с далекой страной. Ни о каком Шлихтинге никто, кроме Катены, больше не вспоминает.

Историк «посольств» Шевригина и Молвянинова, наверное, не может пожаловаться на недостаток исторических источников. Их действительно много. Мне удалось собрать около 650 неизвестных архивных документов, сообщающих о двух царских гонцах¹⁰.

Вместе с опубликованными текстами таких материалов далеко за тысячу, возможно, около полутора тысяч. Я бы сказал, это серьезная документальная база. Сам Портико, бывший в это время префектом Рима, то и дело участвует в приеме Истомы Шевригина и Якова Молвянинова. После первой аудиенции Молвянинова у папы Римского Винченцо даль Портико дает пояснения папскому церемониймейстеру о том, что за народ московиты¹¹. Как глава города и городского суда Портико расследует нападение на московитов подвыпивших римлян; тем не понравилось, что Молвянинов попросил их не шуметь под окнами дворца, в котором он остановился¹². Наконец, сама кандидатура Портико как возможного посланца папы в Московию если не рассматривалась, то была где-то в поле зрения. Антонио Сергуиди, секретарь тосканского посольства в Риме, сообщал об этом во Флоренцию в письме от 11 марта 1581 года в следующих выражениях: «Есть много прелатов сильных в проповеди, кого можно отправить в Польшу в ответ на просьбу Московита, в том числе это монсиньор Санта Кроче, монсиньор Портико, епископ Сальвиати или епископ Мондови... Ясно, что кого-то надо туда послать, и вместе с ним (считается, что это уже точно) поедет иезуит Поссевино»¹³. Складывается впечатление, что литература о Московии и практические контакты с ней в основном существуют в параллельных мирах, видимо, отвечая разным потребностям. Связывать эти сферы мало кому приходит в голову.

Мы не слышим ни слова о Шлихтинге даже от Поссевино. Существует составленный им список сочинений о Московии, с которыми он познакомился в процессе написания своих записок о путешествии к Ивану Грозному. В этом документе сказано, что Поссевино получил от Портико для ознакомления рукопись «о нраве великого герцога Московии и тамошнем народе», составленную послами польского короля Сигизмунда

11

□ Акты исторические, относящиеся к России . Т. 1, с. 392.

12

□ Об этом см.: Дубровский И. В. Новые документы по истории отношений России и Италии при Иване Грозном, с. 70.

13

□ ASFi, MdP, filza 1185, без пагинации. См.: Дубровский И. В. Политика папства в отношении Московии: черновики инструкции Поссевино // Русский сборник. Т. XVI. М., 2014, с. 19 и сл.

Августа¹⁴. Очевидно, имеется в виду сочинение «Il successo dell'imbasciaria del re di Polonia al principe di Moscovia a dì 12 di Genaro 1570». Это первый текст знакомой нам рукописи Портико из Ватиканского архива, следом идет «Краткое сказание» Шлихтинга. По всей вероятности, речь идет именно об этой рукописи, которая, как это бывает, названа здесь по первому сочинению. Также лишено подробностей собственное сообщение Поссевино об отмене миссии Портико, приведенное в его книге «Московия». Он пишет, что папа Пий V сначала поручил своему нунцию в Польше Винченцо даль Портико отправиться в Московию, «но впоследствии, прослышав о жестокости Московита, отвратился от этой мысли»¹⁵.

Я могу назвать всего одного человека, кто заинтересовался впоследствии этой историей. Однако он не читатель Шлихтинга, а читатель Катены, к тому же, деятель другой эпохи. Это кардинал Маурицио Савойский, живший в первой половине XVII века. В его бумагах, оказавшихся сегодня в Туринском Государственном архиве, находится пространная выписка из книги Джироламо Катены с информацией о планах папы Пия V организовать посольство в Московию и последующем отказе от этих планов под влиянием Шлихтинга. Копии двух писем кардинала Рустикуччи, которые я упомянул выше, приложены к этой выписке как подтверждающие ее документы. Сочинения Шлихтинга кардинал Маурицио то ли не знал, то ли оно его не заинтересовало.

Приятно видеть, как расширяется круг нашего знания в деле, которое еще недавно казалось лишенным таких перспектив. Вместе с тем наиболее важный вопрос в истории сочинения Шлихтинга пока остается без ответа. У нас нет или пока не собрано достаточной информации о том, является ли Шлихтинг автором сочинения, которое ему приписывается. Я напомним главные факты, на которых основаны такие сомнения. Существует как минимум два больших текста, родственных «Краткому сказанию». Во-первых, это известный текст итальянца на польской службе, командира рота в Витебске Алессандро Гваньини «О тирании великого князя Московии Иоанна Васильевича», также составленный на латыни. В отличие от «Краткого сказания», это сочинение не осталось в рукописи, а было опубликовано автором как часть его большого сочинения «Описание

14

□ Дополнения к Актам историческим, относящимся к России. СПб., 1848, с. 20.

15

□ Possevino A. Moscovia. Vilnae, 1586 (книга лишена сплошной пагинации).

европейской Сарматии». Первое издание книги вышло в Кракове в 1578 году. Затем последовал еще целый ряд изданий и переводов на несколько европейских языков. Во-вторых, существует польская рукопись «Дело великого князя Московского, 1571 год» («Sprawa wielkiego kniazia Moskiewskiego, Roku 1571»). Хочу оговориться, что я не знаком с этой рукописью, а знаю о ее содержании только со слов других исследователей – И. П. Старостиной и Х. Грали¹⁶. Все три сказанных сочинения, «Краткое сказание», Гваньини и «Дело великого князя Московского», имеют значительные текстуальные сходства. Вместе с тем полного совпадения материала между ними нет: некоторые факты, изложенные в польской рукописи «Дело великого князя Московского», могут фигурировать только у Гваньини либо только в «Кратком сказании».

Есть два свидетельства современников, утверждающих, что Гваньини воспользовался чужим трудом, выдав его за свое сочинение. Первое принадлежит поляку Яну Лазицкому. В 1582 году он издал свой известный сборник материалов о России, где, в частности, говорилось, что о жестокостях Ивана Грозного в отношении своих подданных можно прочитать в «книге Александра Гваньини о Сарматии, написанной первоначально на польском языке для нашего короля Сигизмунда Августа немецким дворянином Альбертом Шлихтингом, который прожил в Московии семь лет»¹⁷. Второе свидетельство оставил также польский автор Матей Стрыйковский. В том же 1582 году в своей «Хронике польской, литовской, жмудской и всей Руси» Стрыйковский утверждал, что он и есть истинный автор книги, опубликованной Гваньини под своим именем. Там же напечатана «привилегия» польского короля Стефана Батория от 14 июля 1580 года, признающая

16

□ Старостина И. П. Неизвестная польская редакция «Сказания» Альберта Шлихтинга // Внешняя политика Древней Руси: Юбилейные чтения, посвящ. 70-летию со дня рождения В. Т. Пашуто (19–22 апр. 1988 г.). М., 1988, с. 100–106; Она же. К вопросу об авторстве «Сказания» Альберта Шлихтинга // Восточная Европа в древности и средневековье. V Чтения: Спорные проблемы истории. М., 1993, с. 125–130; Она же. Иван Грозный в изображении Шлихтинга–Стрыйковского // Восточная Европа в древности и средневековье: X Чтения памяти В. Т. Пашуто: Материалы конференции. М., 1998, с. 112–117; Она же. Неизвестный Стрыйковский // Балты и Великое княжество Литовское: Историко-лингвистический взгляд / Конференция «Балты в древности и средневековье: Языки, история, культура» (11–12 дек. 2000 г.). М., 2007, с. 101–112; Grala H. Op. cit.

17

□ Łasicki J. De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione. Spiraе, 1582, p. 103: «Legat qui potest de immemorabili istius hominis in suos subiectos crudelitate librum Alexandri Guagnini de Sarmatia, primo scriptum Polonice ad Sigismundum Augustum regem nostrum, ab Alberto Schlichtingo nobili Germano, qui in Moscovia septem vixit annos».

авторские права Стрыйковского на его сочинения, в числе которых названо «Описание европейской Сарматии» («et alium librum De Sarmatia Europaea latine conscriptum»)¹⁸.

Исследуя судьбу известий Альберта Шлихтинга, И. П. Старостина и Х. Граля приходят к общей картине, которую можно суммировать в нескольких тезисах. Латинский текст «Краткого сказания», по их мнению, является переводом с польского языка. Польская рукопись «Дело великого князя Московского» имеет прямое отношение к протографу известного нам латинского сочинения. В то же время перевод, очевидно, был сделан не с нее, а с другой редакции текста, которая остается нам не известной. Польский язык, по-видимому, не являлся для Шлихтинга родным. Согласно И. П. Старостиной и Х. Грале, он не мог быть автором большого литературного текста на польском языке. Следовательно, был кто-то, кто ему «помог». Хотя масштабов такой помощи мы не можем знать, фактическим автором польского текста признается М. Стрыйковский, а Альберту Шлихтингу отводится скромная роль его информатора.

Некоторые из этих тезисов мне кажутся справедливыми, другие вызывают вопросы. Я совершенно согласен с тем, что тезис о «Кратком сказании» как переводе с польского выглядит наиболее достоверным. Это подтверждается не только текстом «Дела великого князя Московского», но и целым рядом других прямых и косвенных свидетельств. Таково приведенное выше сообщение Лазицкого. Кроме того, существует письмо Портико от 19 сентября 1571 года, где также говорится, что сочинение Шлихтинга было переведено с польского языка на латинский¹⁹. Это известные факты, к которым я могу добавить некоторые свои наблюдения. В частности, стоит вспомнить рукопись «Сказания», найденную в римской *Biblioteca Angelica*. Личные имена и топонимы даны в ней в польских транскрипциях, чего не могло быть, если бы текст изначально был составлен на латыни. Вероятно, эта копия восходит к первой версии перевода, в спешке отосланной в Рим, которая впоследствии была заново отредактирована и приведена в надлежащий вид.

Роль поляка Стрыйковского, напротив, я бы назвал не столь очевидной и требующей дополнительных доказательств. Мысль о том, что именно он является фактическим автором сочинения, которое приписывают Шлихтингу, основывается на

18

□ Подробнее об этих обвинениях см.: Старостина И. П. Неизвестный Стрыйковский.

19

□ Theiner A. Op. cit., p. 773.

утверждениях самого Стрыйковского, обвинившего в плагиате своего витебского знакомого. Тем не менее замечу, что Стрыйковский, в данном случае, по-моему, тоже не выглядит человеком кристальной честности. Я хочу обратить внимание на целый ряд неувязок в его утверждениях. Можно допустить, что он является подлинным составителем записок Шлихтинга, украденных у него Гваньини. Но Стрыйковский заявляет, что он настоящий автор не части текста, а всей книги «Описание европейской Сарматии», то есть приписывает себе в том числе те места, которые списаны явно не у него, а, например, у Герберштейна. Иными словами, либо он лжет по поводу своего авторства, либо сам является таким же плагиатором, крадущим большие куски чужого текста. Мы знаем Стрыйковского как автора сочинений на польском языке. Больших латинских текстов от него не осталось, и не известно, мог ли он написать большое сочинение на латыни. Если у него и были такие способности, он их не продемонстрировал. Наконец, примечательно отсутствие у Стрыйковского упоминаний Шлихтинга, точно того не существовало. Грубости, сказанные Стрыйковским в адрес Гваньини, характеризуют его самого. В его сетованиях на то, что «другие присвоили себе нашу славу», в карикатурном изображении Гваньини, который назван вороной, облачившейся в павлиньи перья, мы угадываем присущее ему понимание жизни и писательского труда. Видимо, имя Шлихтинга отброшено им как помеха, мешающая его славе. Где Стрыйковский кривит душой, а где говорит правду, без других источников не разобраться.

Должен сказать, мне не совсем понятно, почему И. П. Старостина и Х. Граля уверены, что Шлихтинг не мог знать польского языка настолько, чтобы писать по-польски. Подробности биографии Шлихтинга наводят на мысль, что он был человеком, способным к языкам. Попав в Москву в качестве военнопленного, Альберт Шлихтинг сумел стать переводчиком придворного врача-итальянца, причем был выбран на эту роль из большого числа своих товарищей по несчастью, чья участь была незавидной. Видимо, он знал или смог быстро выучить русский и знал другие языки, кроме немецкого, который предположительно был для Шлихтинга родным. Удержимся от гипотез, а перечислим факты. Фактом является то, что оба латинских текста – большое «Краткое сказание» и еще один текст меньшего размера, о котором пойдет речь ниже, – явно написаны от лица Альберта Шлихтинга как его личные послания польскому королю. В предисловии к «Краткому сказанию» о Шлихтинге, правда, говорится в третьем лице, но в XVI веке в такой форме повествования о себе не было ничего необыкновенного. Так писали даже автобиографии. К тому же, возможно, это предисловие с информацией об авторе и происхождении переданных им сведений, вводящее читателя в курс дела, написано не им, а добавлено позднее неизвестным редактором. Так или иначе, сочинение оканчивается

недвусмысленным заявлением: «То, что я пишу Вашему Королевскому Величеству, я видел сам собственными глазами в городе Москве». Кто говорит и к кому обращается, по моему, ясно. Наконец, все известные нам отзывы читателей – Портико, Лазицкого, Катены – без обиняков приписывают текст Шлихтингу. О «славе» Стрыйковского в этой связи никто из них, похоже, не догадывается.

Наши данные плохо увязываются в общую картину. Чтобы она состоялась, нужны новые исследования и открытия. В каше, которую заварил Шлихтинг, угадывается еще одно неизвестное перо. Я говорю о переводчике «Краткого сказания» на латинский язык, кому мы обязаны текстом, который есть в нашем распоряжении. Меня ставит в тупик заглавие сочинения. Царь Иван Грозный неожиданно назван в заглавии «тираном Василием». Это имя присутствует в названии всех списков, включая немецкий перевод. В самом тексте «Краткого сказания» московский «тиран» остается безымянным. Исключением являются списки «итальянской» редакции из Мантуи, Милана и библиотеки Йельского университета, где имя «тирана Василия» проникает в текст, но понятно, что оно взято из названия сочинения.

В Италии Ивана Грозного упорно называли Василием. Я уже писал об этом в предшествующей статье и потому ограничусь одним примером, который мне кажется весьма наглядным. В феврале 1581 года в Венецию проездом в Рим прибыл царский гонец Истома Шевригин. В переводе его проезжей грамоты с русского на итальянский язык имя правителя Московии венецианский переводчик, как смог, постарался передать с фонетической точностью: Joan Vassilicovitz. В официальной записи о приеме Шевригина венецианским правительством имя италянизировано: Giovanni Basiliovitz²⁰. Тем не менее это, конечно, узнаваемое имя царя Ивана Васильевича. Запись находится в фонде Венецианского архива, который называется Collegio, Esposizioni Principi. Это фонд, специально посвященный приему иностранных посольств. Но то же сообщение существует в копии в так называемых «Анналах». Название не должно вводить в заблуждение: «Анналы», о которых идет речь не хроника Венецианского государства, а сборник копий важнейших государственных актов. В интересующей нас копии отчета об аудиенции Шевригина имя правителя Московии внезапно меняется. Переписчик самовольно исправляет оригинал. Из двух имен: Giovanni Basiliovitz, первое «Giovanni»

20

□ Оба документа опубликованы П. Пирлингом: Pierling P. Bathory et Possevino, documents inédits sur les rapports du Saint-Siège avec les Slaves. P., 1887, p. 25 (№ 1); p. 28 (№ 2).

опущено, а второе «Basiliovitz» разделено надвое: Basilio Vit. Нам остается думать, что «Vit» – по мнению переписчика, это «фамилия» «великого князя Московского и могущественного императора Василия»²¹. Похожих примеров загадочной веры в то, что правителя Московии зовут Василием, можно привести много. Но это Италия. Естественно, в Польше имя Ивана Васильевича Грозного должно было быть известно. Оно точно передано у Гваньини: Ioannes Basiliades (генетив: Ioannis Basiliadis)²². В названии другого сочинения Шлихтинга также нет путаницы. Текст озаглавлен: «Nova ex Moscovia per nobilem Albertum Schlichting allata de Principis Iwani vita et tyrannide». Кажется, нам остается думать, что человек, допустивший столь вопиющую оплошность в заглавии «Краткого сказания», был итальянцем.

Коротко скажу о первом кратком отчете Шлихтинга о последних событиях в Московии, написанном вскоре после его бегства в Литву осенью 1570 года²³. До недавних пор он был известен только в немецком переводе, присланном ко двору императора его резидентом в Варшаве²⁴. Мне удалось найти латинский вариант данного текста. Все семь его списков, которые попались мне в руки, приложены к рукописям большого «Краткого сказания». Полного сходства немецкого и латинского текстов нет. Латинская версия содержит неизвестные фрагменты сообщений Шлихтинга, которые, возможно, будут интересны специалистам. В частности, это сведения о тайных приверженцах герцога Магнуса в Ливонии и поддержке, которая должна была быть ему оказана в случае успешного овладения Ревелем. О Риге сказано сочно: «девушка созрела» («similis est virgini nubili seu maturaе»). В немецком тексте эти подробности не приведены. И наоборот,

---

21

□ ASVe, Annali, t. 7, f. 63v.

22

□ Guagnini A. Sarmatiae europeae descriptio. Spiraе, 1581, p. 78, 79, 80b, 81, 83 etc.

23

□ Подробнее об этом см.: Дубровский И. В. Новые документы о России Ивана Грозного.

24

□ Nova ex Moscovia per nobilem Albertum Schlichting allata de principis Iwani vita et tyrannide // Scriptores rerum Polonicarum. T. I. Cracoviae, 1872, p. 145–147.

некоторые сведения немецкого автора в латинской версии отсутствуют. Так, оказывается, что известное сообщение о численности опричного полка Ивана Грозного («Opřitzne, derer helt der Moskowitter bei acht hundert»), есть только в немецкой версии сочинения Шлихтинга. Стоит иметь в виду, что латинский текст содержит немало ошибок. Так, один из послов, отравленных Иваном Грозным в 1571 году к польскому королю Сигизмунду Августу, крещеный татарский князь Иван Камбаров в найденных латинских списках ошибочно представлен как два лица: «Иван Камбаров и один крещеный казанский татарин». Немецкий текст в этом месте точнее: «Князь Иван Камбаров, который является крещеным татаринном из Казанского царства». По сообщению немецкой версии, осенью 1570 года в зачумленной Москве царем были оставлены начальниками «казначей князь Василий Масальский и его товарищ Борис Сукин». В латинском тексте фигурируют Василий Масальский и два казначея Борис и Сукин.

Сравнение текстов наводит на мысль о том, что латинская и немецкая версии первого сочинения Шлихтинга являются переводами с третьего языка – польского. Это доказывается наличием в немецком списке русских слов в польских транскрипциях, а также таких, которые в русском и польском языках звучат похоже. Не везде в немецком тексте эти слова возникают к месту. Так, слово «гонец», которое, конечно, является русским и польским одновременно, относится не к гонцу «Московита», а к посланцу шведского короля. В найденном латинском варианте этих слов нет. При этом в моих латинских списках можно отметить наличием одного «польско-русского» слова, отсутствующего в немецком варианте. Вряд ли это можно объяснить, не обратившись к гипотезе о первичности польского текста.

Новое критическое и полное издание текстов, восходящих к информации, переданной из Московии Альбертом Шлихтингом, – дело будущего. Естественно, в него должны войти как латинские, так и польские и немецкие тексты, а также весь комплекс необходимых сопроводительных материалов. Такое масштабное издание, требующее взаимодействия многих ученых, некогда входило в мои планы, но организовать его оказалось сложнее, чем я думал. Пока дело откладывается. Тем не менее я этому рад. Думаю, спешить с таким изданием не следует. Слишком велик объем подготовительной работы, которую можно и нужно сделать. К сожалению, это относится буквально ко всему. Так, выясняется, что списков сочинения намного больше, чем казалось еще недавно. Не приходится сомневаться в том, что девять латинских рукописей Шлихтинга, с которыми мне удалось поработать, найденные всего за несколько месяцев, – малая толика того, что было и, видимо, есть в европейских архивах. Анализ разночтений лишает последних иллюзий. Списки не складываются в пазл, а являются только разрозненными фрагментами

не ясной нам картины. Следовательно, мы больше не можем довольствоваться случайными находками, в разное время попавшими в поле зрения исследователей, а должны наладить систематический поиск нужных нам рукописей. Узнавая рукописную традицию, мы мало-помалу начинаем лучше разбираться в том, что и как искать. Например, мы приходим к выводу, что первое небольшое сочинение Шлихтинга, а также краткая редакция «Сказания» из Архива Гонзага по форме могут быть сопоставлены с рукописными «газетами» того времени и похожими на них информационными бюллетенями о текущих событиях. Где искать такие тексты, более или менее понятно. Сборники таких материалов широко распространены. Можно добавить, что их содержание часто настолько дробно, что не во всех современных каталогах оно бывает досконально описано, так что на каталоги полагаться не стоит. Из семи списков первого текста Шлихтинга, которые мне удалось найти, в каталогах описан один. Напротив, для отыскания новых списков большого «Сказания» надо шерстить сотни и тысячи опубликованных и рукописных архивных каталогов. Я повторю еще раз слова Павла Пирлинга, забытые историками: рукописи Шлихтинга, по его словам, есть «едва ли не во всех римских библиотеках».

Наша проблема не сводится к недостающим рукописям. Наши знания других нужных материалов также отличают вопиющие провалы. Существует иллюзия, что старые историки все нашли и во всем разобрались, и нам остается пожинать плоды. В результате не делаются элементарные вещи, которые надо было сделать в первую очередь. Я хочу, чтобы читатель меня понял. Существуют задачи разной исследовательской сложности. Если мы задаемся целью найти потерянные части переписки нунция Портико с кардиналом Рустикуччи, это, действительно, может оказаться очень сложно. Кто бы мог подумать, что два важных письма из этой корреспонденции, проливающие свет на историю сочинения Шлихтинга, мне удастся найти в Турине?! Но есть вещи простые и обязательные. Приведу пример. Папа Римский накануне битвы при Лепанто отказывается от переговоров о военном союзе с «Московитом», прослышав о его зверствах. Однако мы помним, что папа был лишь одним из четырех участников антитурецкой лиги наряду с испанским королем, Венецией и великим герцогом Тосканским. Испанский и венецианский флот являлся главной ударной силой коалиции. Трудно поверить в то, что расширение лиги их не волновало. По поводу Венеции известно, что она сама пыталась наладить прямой контакт с Москвией и привлечь Ивана Грозного к участию в антитурецкой лиге одновременно с папой Пием V, и если Портико так и не добрался до Москвы, то венецианский агент Джерио посетил ее в составе польского посольства в 1570

году²⁵. Следовательно, надо исследовать для начала дипломатическую корреспонденцию союзнических держав, письма папских нунциев в Венеции и Испании, венецианских и испанских послов при Св. Престоле. Это не те документы, за которыми нужно гоняться по всей Европе, как Тургенев за Полиной Виардо. Они лежат в известных архивах на своих местах: протяни руку и возьми. Я заглядывал в некоторые из этих томов и могу сказать, что нужный нам материал в них есть, но пока у меня не было времени поработать с ними как следует. Это вещи, о которых даже неудобно спрашивать, сделаны они или нет, потому что, если они не сделаны, не о чем говорить.

Не приходится сомневаться в том, что нас ждут новые открытия. До издания сообщений Шлихтинга нам пока, как до Луны. Потому остается воспринимать и организовывать работу в этом направлении как процесс. Я публикую материалы, которые у меня есть, в надежде на то, что работа будет продолжена.

□ Lamansky V. *Secrets d'état de Venise: Documents, extraits, notices et études servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la Porte ottomane à la fin du XVe et au XVIe siècle*. Saint-Petersburg, 1884, p. 079–082; *Акты исторические, относящиеся к России*. Т. 1, с. 213–215.